

П.В. Лебеденко

Сказки Тихого Дона

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.102
П11

П11 **П.В. Лебеденко**
Сказки Тихого Дона / П.В. Лебеденко – М.: Книга по Требованию, 2023. – 84 с.

ISBN 978-5-458-43414-0

Петрусь - мальчик русский. Сказка о Чуде-чудище заморском, девице-красавице и серой волчице. Игнатка. Доброе сердце дороже красоты. Сказка о Песне Легокрылой и казаке Макаре Бесслезному. Дивный клад.

ISBN 978-5-458-43414-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

гом блестит все от яркого солнца, словно искорки от огня горят на воде. Схватит рыбка маленьkim ртом воздух, захлебнется — и опять в воду.

Над Доном воздух теплый прозрачными струйками плывет, чайки белокрылые летают, ласточки, как стрелы, низко над водой проносятся. А вот откуда-то тучка темная к Дону приближается. Ветерок повеял, пробежал над рекой, и река сразу забеспокоилась, мелкими морщинками покрылась. Петрусь на тучку смотрит и думает: «Эх, вот бы буря началась!» А тучка темная все ближе да ближе, уже все небо потемнело. Ветер вдруг свистнул по-разбойничьи, Тихий Дон вздохнул глубоко, будто плечи богатырские расправил. Защумело все кругом, загудели грозные волны, разгулялся Тихий Дон, словно долго в неволе сидел и вдруг на свободу вырвался. Чайки белокрылые покричали, посердились и улетели куда-то. За ними ласточки быстрые скрылись.

А сквозь тучи уже солнышко выглянуло. Буйный ветер свистнул последний раз и умчался к морю. И опять тихо над Доном...

Сидел так однажды Петрусь, рекой любовался, вдруг черная тень промелькнула над ним, в воздухе свист раздался. Глянул Петрусь вверх, а на него хищник злой, птица страшная, камнем из поднебесья падает. Не успел и крикнуть Петрусь, как схватил его хищник острыми когтями, взмахнул черными крыльями и полетел над Тихим Доном, над лесами зелеными, над морями широкими.

Поглядел вниз Петрусь, защемило у него сердце, и крикнул он громким голосом:

— Прощай, батюшка Тихий Дон, прощай, земля русская!

Хищник и не взглянул на Петруся. Летит он все дальше и дальше от Тихого Дона, от любимой родины мальчионки русского. Ветер шумит кругом, горы седые внизу мелькают, белые облака тают от ветра, как туман утренний над тихой рекой. Вот уже и вечер наступил, первые звездочки загорелись на небе, внизу море застонало, как зверь раненый.

Вдруг почувствовал Петрусь, что хищник вниз опускается.

Глянул мальчонка — кругом горы дикие, скалы черные, бездны глубокие.

А хищник злой взмахнул последний раз крыльями и опустился на черную скалу, в гнездо свое. Потом когти разжал, Петрушю дышать легче стало. Сел он на камень, опустил голову на руки и заплакал. Вспомнил Петрусь мать свою родную, ребятишек веселых, Тихий Дон свой любимый — еще тоскливее на сердце стало. Взглянул он на хищника злого, а тот сидит напротив, глаза у него недобрый огнем горят, злые искорки в них бегают. Потом взмахнул орел левым крылом и говорит вдруг человеческим голосом:

— Вот и принес я тебя в царство своё, детеныш человеческий. Долго подстерегал я тебя, долго за тобой охотился, вот и поймал наконец! А чтоб знал ты, детеныш, куда я принес тебя, скажу: не простой я орел и не простое это гнездо орлиное. Жил я триста лет назад на земле и был великим ханом турецким. Слава моя возносилась выше гор этих высоких, сила моя была грознее бурь морских. Кланялись мне все люди до земли до самой, только русский народ не захотел поклониться. И решил я уничтожить народ этот непокорный. Собрал я силу несметную и пошел войной на Русь вашу. Долго бился я с врагами своими, много голов русских с плеч скатилось, да не устояло мое войско в битве этой, дрогнуло. Разбили нас русские, а меня самого в плен забрали. Хотели казни предать, да спасла меня Зура — царевна наша морская. Ненавидит она людей русских так же, как и я. Обрызгала меня Зура водой своей соленой и сказала: «Будь ты, великий хан, птицей хищной до тех пор, пока Тихий Дон, река русская, от русской крови красной станет. Сделаешь это — быть тебе снова великим ханом, не сделаешь — так и околеешь птицей». Вот и летаю я с тех пор над землей русской, помощника себе ищу. Чтоб исполнить то, что царевна наказала, надо мне иметь помощника верного и чтоб был у него ум человеческий, а сердце — хищника злого. Научу я такого человека, как зло сеять на земле русской, а потом уж сделаю свое дело. Ведомо мне, детеныш человеческий, что сердце твое не годится для моих замыслов — добра в нем много. Да то не беда: пожи-

вешь со мной, переделаешься. И коль будешь мне хорошим помощником, золотом тебя обсыплю, а коль не угодишь мне — гнить твоим костям вон в той пропасти. Много я уже людей русских приносил сюда, да пока что никто не угодил мне...

Сказал так хищник злой, взмахнул крыльями черными и улетел куда-то за горы. А Петрусь подошел на край горы, глянул вниз и отшатнулся в страхе: пропасть такая глубокая, что и земли не видать, а кругом на камнях кости человеческие белеют и над костями черные вороны кружатся. Сел опять Петрусь на камень и задумался. Слезы из глаз у него полились, тоска черная сердце сдавила. «Не видать мне больше матушки моей родимой, — думает Петрусь, — не любоваться мне больше Тихим Доном любимым. Не смогу я спуститься с горы этой, не уйти мне никогда от хищника злого».

Вдруг слышит Петрусь — засвистели крылья в воздухе. Прилетел турецкий хан, в когтях чайку белокрылую держит. Сел он на свою скалу, взмахнул левым крылом и говорит:

— Вот, детеныш человеческий, птицу тебе принес из края твоего. Летала она над Доном, кричала людям, что жив ты, детеныш, что видела она, как я унес тебя в царство свое. А мне надо, чтоб забыли люди о тебе, не вспоминали. За это птицу глупую уничтожить надо.

Чайка белокрылая смотрит на Петруся, будто сказать что-то хочет, да хищника злого боится.

— Не убивай птицу, великий хан, — проговорил Петрусь. — Пусть живет она со мной на этой скале, чтоб не скучно мне было.

Засмеялся хищник и отвечает:

— У чайки сердце не злое, в друзья она нам не годится. Тебе, детеныш человеческий, не такого товарища надо.

Ударил он чайку лапой своей страшной, разорвал ее на части когтями острыми, взял в клюв сердце чайки и говорит Петрусь:

— А вот этим ты пообедаешь, детеныш человеческий...

Отвернулся Петрусь, молчит. Жалко ему чайку белокрылую,

да знает: заметит в нем жалость хищник злой — сбросит со скалы.

А орел опять крыльями взмахнул и улетел прочь.

Немного времени прошло, как прилетел хищник назад, в когтях голубя сизокрылого держит. Ударил его клювом в голову, выклевал сердце из груди и бросил Петрусь под ноги.

— На, ужинай, детеныш человеческий. Голубь — птица ласковая, мирная, их всех убивать надо.

Потом посмотрел на Петруся и спрашивает:

— Ну как, не жалко тебе птиц этих глупых?

Встал Петрусь с камня, взглянул в злые глаза хищника, опять промолчал.

А тот допытывается:

— Жалко тебе или не жалко птиц этих глупых?

— Чего их жалеть, коль они уже мертвые, — отвечает Петрусь. — И тебя, хан турецкий, когда ты мертвым будешь, тоже жалеть не буду.

Сверкнул орел глазами и говорит:

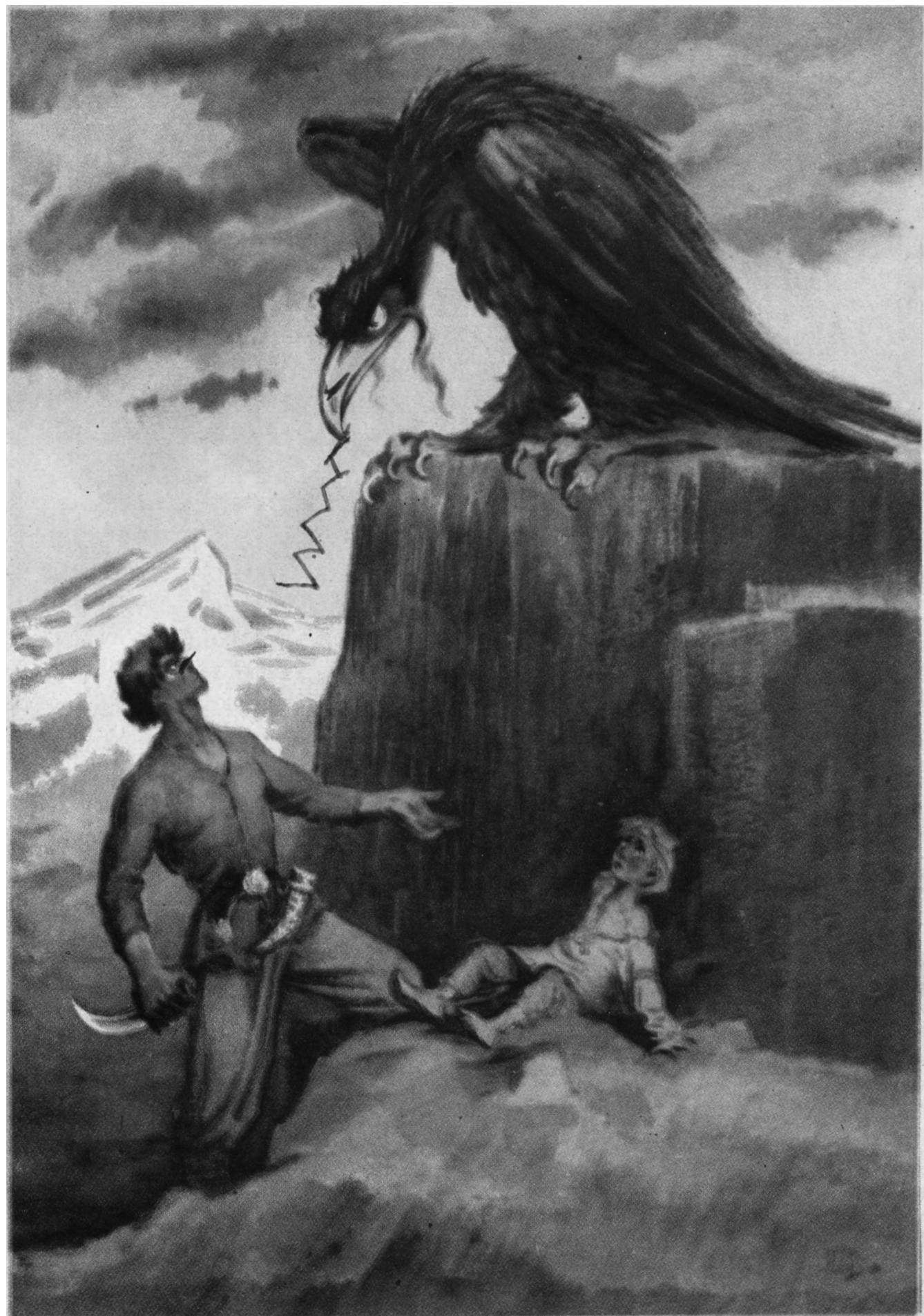
— Вижу, толк из тебя будет, детеныш человеческий. Быстро ты к крови привыкаешь.

Вот так и начал жить Петрусь на скале высокой, в горном царстве хана турецкого.

Носит хищник злой в гнездо свое чаек белокрылых, голубей смиренных, ягнят маленьких, разрывает их когтями острыми, выклевывает у них сердца горячие, приучает Петруся зло любить.

Растет Петрусь в неволе, потемнели у него волосы русые, потемнели глаза его голубые, а между бровей уже морщинка залегла. Десять лет прошло с тех пор, как хищник злой унес его с Тихого Дона. И решил Петрусь либо убежать из ханского царства, либо погибнуть в бою с врагом своим. Вот и говорит он раз хищнику злому:

— Чувствую я в себе силу богатырскую, да не знаю, куда девать ее. Принеси мне, хан турецкий, саблю стальную, буду я учиться владеть ею, буду готовиться в поход на людей русских. Да уговор помни: коль порозовеет вода в Тихом Дону от крови вражьей — одарить меня не забудь.

Обрадовался хищник злой словам этим и отвечает:

— А за саблей далеко летать не надо. Подними вон тот камень серый, там и сабля стальная лежит.

Поднял Петрусь камень тяжелый, смотрит—под камнем сабля стальная сверкает, рядом с саблей булава лежит, драгоценные каменья горят на ней. Взял Петрусь саблю, смотрит на нее и говорит:

— Доброе оружие... Такая сабля у моего батюшки была, когда он биться с врагами земли русской шел.

— Такая, да не такая, — смеется хан. — Ударь саблей по камню да посмотри, что от камня останется.

Взмахнул Петрусь саблей, ударил по камню — рассыпался камень, только искры в стороны полетели.

— Добрая, добрая сабля, — говорит Петрусь. — Коль камень крушит она, что ж от тебя, хан, останется, если захочу я зарубить тебя?

Рассердился хищник.

— Не для того, — говорит он, — кормил я тебя десять лет, учил тебя зло любить, чтоб речи такие слушать. Ты, детеныш человеческий, силу мою еще не знаешь. Я крылом одним взмахну — от тебя и следа не останется.

Загорелось тут сердце Петруся, закипела кровь русская, еще больше ненависть лютая вспыхнула в нем к хищнику злому. «Зарублю я злодея этого, — думает Петрусь, — а потом и сам с кручи брошусь, чтоб не томилось сердце мое в неволе страшной».

Поднял он саблю стальную над головой, взмахнул ею в воздухе и ударил орла хищного.

— Вот тебе, выродок колдовской, за кровь русскую, за слезы матерей наших! — закричал Петрусь. — Научил ты меня зло любить, расплачивайся теперь за науку эту! Добры люди русские, но коль встречаются они с врагами, коль приходится им волю свою защищать — не видать врагам милости нашей!

Еще раз взмахнул Петрусь оружием грозным, еще раз со свистом опустилась сабля на птицу страшную. А рука уже опять саблю поднимает.

И начал Петрусь рубить злодея на части, рубит его и приговаривает:

— А это за людей русских, чьи кости белеют в пропасти страшной!.. А это за науку твою варварскую, за жизнь мою загубленную.

Час рубит Петрусь хищника злого, два, устал, саблю в сторону бросил, сел на камень, пот с лица рукой вытираТЬ начал.

Вдруг смотрит — сидит орел на том же самом месте, сидит, кривым клювом перья черные оправляет, злыми глазами на Петруся смотрит и говорит:

— Вижу, сила в тебе и впрямь богатырская, а ума не нажил ты еще, детеныш человеческий. Саблю эту мне сама Зурала подарила, царевна наша морская, и сабля эта не простая: камни от нее в пыль превращаются, по толстому дереву ударить ею — щепки полетят, а вот хана турецкого ею не зарубишь! Заколдовала Зурала эту саблю. А за то, что руку ты поднял на хана великого, будешь ты сидеть еще пять лет на этой скале, науку мою мудрую постигать. Буду я мясо бросать тебе сверху, чтоб не околел ты с голоду, детеныш человеческий, а через пять лет прилечу — или в бой пойдем на людей русских, или гнить твоим костям в пропасти черной.

Сказал так хищник, злыми глазами сверкнул, черными крыльями взмахнул и улетел за горы.

Опять остался Петрусь в ханском царстве, опять сидит, горькую думу думает. Вспоминает Тихий Дон свой любимый, матушку родимую, друзей, товарищей.

А хан турецкий прилетел в землю нерусскую, сел около моря на камень острый, правым крылом взмахнул и крикнул что-то голосом хищным.

Выплыла к нему Зурала, царевна его морская, глаза у нее, как у жабы, зубы, как у акулы страшной, волосы длинные, как водоросли морские. Посмотрела Зурала на хана турецкого и спрашивает:

— С какими вестями прилетел ты, хан бывший? Скоро ли река русская розовой станет от крови русской?

Хищник злой голову наклонил, лапой себя по груди ударил, будто руку к сердцу приложил в знак приветствия, и отвечает:

— Помоги, царевна великая, войско набрать, думаю в поход собираться. Сидит у меня в неволе богатырь русский, сердце у него, как у орла хищного стало, хоть и не покорился он пока совсем, да время обломает его, оботрет. Пошлю я его на землю русскую зло сеять, людей друг против друга озлоблять. Дам ему золота, чтоб подкупал он непокорных, а потом и сам со своим войском нагряну. Помоги, царевна великая, и я твоей помощи не забуду.

— А когда ты, хан, русского богатыря посыпать в его края думаешь? — спрашивает Зурала.

— Пять лет ждать осталось, великая, — отвечает хищник.

Царевна голову в воду опустила, подумала и сказала:

— Хорошо. Будет тебе через пять лет войско. Собирайся, хан, в поход.

... Вот прошло еще пять лет.

Прилетает хищник злой в царство свое ханское, приносит в когтях мальчонку белоголового и говорит:

— Ну, богатырь русский, настало время в поход нам идти... А для испытания принес я тебе соплеменника твоего: разрежь ему грудь, сердце сам съешь, а мне вон в тот кувшин крови набери. Выпью я ее вместо вина перед походом. Коль не дрогнет твое сердце, быть тебе великим визирем.

Бросил хищник злой под ноги Петрусь мальчонку, а сам смотрит на Петруся, глаз с него не сводит.

Петрусь нож кривой взял, на мальчонку глянул и говорит хищнику:

— Сыт я сейчас, великий хан. Проголодаюсь, вот тогда и выполню твой наказ.

— Хорошо, — отвечает хищник. — Слетаю я на войско свое посмотрю, а как прилечу вечером, дашь ты мне крови русской отведать.

Улетел орел, а Петрусь подошел к мальчонке, погладил его по русой головке и сказал:

— Нашел я у хищника злого наряды его богатые, из парчи

да из золота сделанные. Вот уж пять лет режу их на куски да бечеву плету, чтоб спуститься со скалы этой страшной. Немного мне осталось работать, да, видно, не успею я. Как возьмет меня хищник злой завтра, улетим мы с ним, ты камень вот этот подними, там все, что надо есть. На землю спустишься, коль живой буду, — увидимся. Коль погибнуть мне придется, иди на Тихий Дон, спросишь там Петруся, которого пятнадцать лет назад хищник злой унес, поклонишься матушке моей родимой, если жива она, да людям всем русским. А особо поклонишься Дону Тихому, реке моей любимой.

Взял Петрусь нож кривой турецкий, разрезал левую руку по ниже локтя: брызнула кровь горячая на землю. Подставил Петрусь кувшин, наполнил его своей кровью до краев и говорит мальчионке:

— А теперь лезь вон в ту нору, я тебя камнями заложу. Прилетит орел — лежи, не дыши.

Только спрятал Петрусь мальчионку белоголового, засвистел воздух, зашумели крылья черные, прилетел хищник. На Петруся глянул, левым крылом взмахнул и спрашивает:

— Ну, как, детеныш человеческий, готов ли ты?

Петрусь кувшин с кровью подает хищнику и отвечает:

— Съел я сердце человеческое — силы во мне прибавилось. Хоть сейчас я готов, хан турецкий, в поход с тобой отправляться.

Хищник кровь человеческую выпил и спрашивает:

— А куда же ты детеныша белоголового дел, помощник мой славный? Что-то не видал я в пропасти костей свежих...

Петрусь и бровью не повел.

— Как ударил я его кинжалом в грудь, вытащил сердце, крови налил в кувшин, тут воронье черное налетело, просит у меня мясом полакомиться. Ну, сбросил я детеныша белоголового в пропасть, расхватало его воронье на лету. Ищи кости в вороньих гнездах, великий хан.

Поверил хищник злой Петруся, крыльями захлопал, обращался, что теперь у него верный помощник есть, и говорит:

— Отнесу я тебя завтра на Тихий Дон, дам тебе золота ме-